

84(2РосСтр)6

К 57

Павел
Кодочигов

В ТИШИ НОЧНОЙ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.	
---------------------	--

Лич 84/2Рос = Рус)6
К 57

Павел КОДОЧИГОВ

В ТИШИ НОЧНОЙ

Муниципальное автономное учреждение культуры города Тюмени
«Централизованная городская библиотечная система»

Литературно-краеведческий центр

Фонд редких изданий

г. Тюмень, ул. Первомайская, 14

с. 14

- 108082/1 -

ТЮМЕНСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1962

Р 2
К 55

Российская Федерация
Тюменская область
Муниципальное автономное учреждение культуры
«Централизованная городская
библиотечная система»
ИНН 7204037883
625001, г. Тюмень, ул. Луначарского, д. 51/3

Кодочигов Павел Ефимович.

В тиши ночной.

Редактор З. И. Михеева. Обложка Е. К. Кобелева.
Техн. редактор Л. Т. Овоткин.
Корректор Ю. А. Набокова.

Подписано в печать 14/ХН-62 г.
Формат бумаги 60x84^{1/2}. 1,2 печ. листа
1 уч.-изд.лист. Тираж 10.000 экз. РД 02430
Заказ № 10972.

Типография № 1. Тюмень, Первомайская, 11.

Павел КОДОЧИГОВ

Павел Ефимович Кодочигов родился в 1923 году в городе Тюмени. Здесь прошло его детство, здесь же окончил среднюю школу. В 1941 году призван в армию и направлен на учебу в пехотное училище. После окончания училища, в июле 1942 года, уходит на фронт. Был командиром взвода минометчиков. Тяжелое ранение в январе 1944 года заставило лечь в госпиталь. Долгие скитания по госпиталям, затем—демобилизация.

Вернувшись в Тюмень, П. Кодочигов поступает на курсы по подготовке адвокатов, а окончив их, работает сначала адвокатом, потом — членом Тюменского областного суда. Одновременно учится на заочном отделении Свердловского юридического института, который заканчивает в 1952 году. Но уже через год — в 1953-м

уходит из суда в газету—вначале в «Тюменский комсомолец», затем—в «Тюменскую правду». Еще учась в школе, пробует он свои силы в литературе—пишет рассказы, а позже—очерки, фельетоны.

В 1960—1962 годах возглавлял киногруппу на телестудии, работал на радио. Сейчас Кодочигов — заместитель редактора газеты «Тюменская правда».

Первый рассказ был напечатан в 1959 году. Печатался П. Е. Кодочигов в журнале «Урал», в альманахе «Сибирские просторы», а также в областных газетах. В 1960 году в Тюменском книжном издательстве вышла книга рассказов «Я работаю в редакции».

П. Кодочигов — член КПСС с 1943 года, член Союза журналистов.

Награжден орденом Отечественной войны II степени и медалью «За победу над Германией».

В ТИШИ НОЧНОЙ

Над дорогой, полями, березовыми перелесками висела пыль. Она покрывала все—и листья деревьев, и траву, и даже реку, вьющуюся неподалеку от дороги. Пыль висела над землей неподвижно. Где сероватая, а где бурая, глинистая, она как будто прилипла к разморенному жарой воздуху и едва пропускала сквозь тяжелую пелену рев моторов и гудки машин. А они шли по дороге непрерывно и, боясь столкнуться друг с другом, отчаянно сигналили.

На попутной машине я добрался до Егора Дубровина в то время, когда он заканчивал косить последнюю полосу на большом пшеничном поле. Заглушив мотор, Дубровин легко спрыгнул на землю, пнул сапогом передние колеса, обо-

шел комбайн, проверяя крепления, и вдруг, широко раскинув руки и отбивая кирзовыми сапогами лихую чечетку, сделал вокруг комбайна еще один круг. Остановился против меня. Ноги его еще некоторое время отбивали дробь, потом каблуки сомкнулись и замерли. Егор протянул руку и, улыбаясь, сказал:

— Все! Закончил! Тысяча двухсотый! — Потянулся, как потягиваются сильно уставшие люди, и подмигнул: — Нет ли в честь этого события у вас бумажки? — закурить вашего табачку, а то я спички на рояле оставил.

Мы присели. Егор курил неторопливо, с удовольствием и все с каким-то удивлением поглядывал вокруг, будто не веря, что это он уложил в валки всю пшеницу. Может быть, он думал о чем-то другом, только улыбка не сходила с его лица, и по всему было видно, что он доволен собой и завершенным им делом.

Я, не таясь, разглядывал Егора и начинал понимать, почему фотокорреспонденты обошли его стороной — уж больно угловатыми, неотесанными были черты лица Дубровина. Большой крючковатый нос, острые скулы, маленькие, спрятавшиеся под неровными мохнатыми бровя-

ми глаза. Два верхних передних зуба природа расставила так широко, что между ними свободно мог уместиться еще один.

В прошлые годы о Дубровине ничего не было слышно, зато нынче газеты писали о нем едва ли не ежедневно. Его фамилия упоминалась сначала в коротких информациях, потом в переключке комбайнеров. Он одним из первых был занесен на областную Доску почета. О нем писались и деловые статьи, и зарисовки, и очерки. Опыт работы Егора, все, что связано с ним, было описано и переписано, и все-таки я сделал порядочный крюк, чтобы заглянуть к нему — захотелось узнать, откуда взялся такой Егор Дубровин, что обогнал всех прославленных комбайнеров, хотя бы посмотреть на него.

Над полями сгущались сумерки. Машины шли по шоссе реже и уже высвечивали себе дорогу щупальцами фар. Егор, по всему видать, человек бывалый. Он никуда не спешил, настроение у него хорошее, и у меня было такое предчувствие, что вот-вот он разговорится. Но Егор молчал, и, чтобы начать как-то разговор, я спросил:

— Завтра подбирать будете?

Дубровин вздрогнул. Занятый своими думами, он, наверное, забыл о моем присутствии. По его лицу пробежала тень недовольства, кажется, он даже поморщился.

— Нет. Завтра мы с ним,— он кивнул на свой СК-3,— принимаем транспортное положение и в Казахстан гулять идем.

— В Казахстан? Зачем?

Не разобрать что — улыбка или усмешка тронула лицо комбайнера.

— А они весной спали долго, сеяли поздно, вот сейчас нам руку дружбы и протягивают. Из нашего совхоза десять человек едут. И я тоже. Мне что. Я не против. Дураков, говорят, работа любит, а я, между прочим, денежки люблю. Опять же за счет кармана дяди чужие края посмотреть можно.

— Значит, только ради денег и едете?

— А вы думали из-за чего? Не за спасибо же я буду у них вкалывать.

— Думал, просто потому, чтобы помочь соседям хлеб спасти,—не особенно дружелюбно ответил я Егору.— А здесь, в колхозе, тоже только из-за денег работали?

— Скажите, а вы зарплату получаете?

Или, может быть, так, ради удовольствия работаете?— спросил в свою очередь Егор.

— Получаю. Но не в этом дело. Все, кто работает, получают зарплату. И вы свое заработанное получите и здесь, и в Казахстане. Но ведь не это главное. За зарплату можно и верхушки сбивать, и зерно на поле оставлять, а вы хорошо косите и...

— Понятно,— перебил Егор,— я должен был сказать, что еду в Казахстан по долгу, совести, чести. А я вот не скажу так. Может, я еще не дорос до этого. Может, у меня семья большая, тогда как? Помните песенку: «А без денег жизнь плохая, не годится никуда», — пропел вдруг Егор, хлопнул себя по голенищу и, отмахиваясь от выбитого облака пыли, продолжал с вызовом:— Вот так-то, товарищ корреспондент. Я материалист и подвиг ради подвига не признаю. Принцип материальной заинтересованности у нас еще действует и приходится с ним считаться.

— Принцип хороший. Но если бы дело было только в этом, вас бы наверняка обогнали. Подождите, а откуда вы знаете, что я из газеты?

Егор усмехнулся, на этот раз откровенно:

— Насмотрелся я на вашего брата за лето. Все повадки изучил. Вы ведь только для приличия разговор насчет «погоды» завели, а чуть осмотритесь, начнете: «Как вы добились такой выработки?», «В чем секрет вашего успеха?», «Как вы переоборудовали комбайн?» Тысяча «как», две тысячи «почему». Надоело! Пять тысяч раз отвечал на эти вопросы и нового, извиняюсь, ничего сказать не могу. Если вас все это интересует, почитайте газеты и...

— И спасибо за совет,— перебил я Егора,— газеты я читаю, о том, как вы переоборудовали комбайн, спрашивать не собирался. Можете успокоиться!

— И вы тоже!

— Что я тоже?

— Успокойтесь. Я вас сейчас на след наведу, и все встанет на свое место. Мы с вами уже один раз «беседовали» и не нашли общего языка. И сейчас не найдем.

— !?

— Помните в пятьдесят седьмом в конторе Воробьевской МТС пьяный комбайнер выколачивал из директора кров-

но заработанные деньги? Ну, так вот — каким я был, таким я и остался. Интервью со мной не получится — личность я отсталая, несознательная и для образа бескорыстного героя явно не подхожу.

...Так вот почему Егор все время будто посмеивался, а я ловил себя на мысли, что где-то видел этого человека!

— В деревню пойдете или в палатке переночуете? — после продолжительного молчания спросил Егор. — У меня полный комфорт: и пыль, и комары, и свежий воздух!

На дворе была ночь. До ближайшей деревни — километров пятнадцать, но я бы ушел от Егора, не скажи он еще нескольких слов:

— Оставайтесь! У меня тут такая романтика — пять томов мемуаров написать можно! Да оставайтесь же, хотя бы в порядке изучения жизни прославленного на всю область комбайнера.

«Болтун!» — обозвал я про себя Егора и остался.

Этого он, кажется, не ожидал.

Ужинали мы молча. Легли спать, не пожелав друг другу спокойной ночи. Однако заснуть мне не удалось. Лежал с открытыми глазами и ругал себя за

то, что «завернул» к Дубровину, за нелепый разговор, а за то, что попался на его удочку и остался ночевать в палатке, за напрасно потерянное время, бессонную ночь, да мало ли за что может ругать себя вконец рассерженный человек.

Егор как лег, так и не шевельнулся. «Спит себе прославленный на всю область комбайнер! Материалист! Спит! А завтра чуть свет заявится к председателю колхоза и начнет деньги требовать: «Я заработал, отдайте!» Неужели на самом деле деньги у этого человека на первом месте? Рисуется? Ради чего? Слава вскружила голову — сейчас можно на себя и блажь напустить? Нет, что-то не то. Тогда что же? Может быть, просто решил напомнить наш спор в кабинете директора Воробьевской МТС. «Заработал — отдай, а то я себе место везде найду. Меня куда угодно возьмут!» — грозил тогда Дубровин директору. Директор не выдержал и дал ему деньги. «Работник незаменимый, но как запьет — пиши пропало», — сказал он о Дубровине. А я вмешался в разговор и поругался и с Дубровиным, и с директором. Сгоряча наговорил что-то вроде того, что гнать надо та-

ких «незаменимых». Запомнил Егор тот разговор и сейчас решил продолжить спор? «Но неужели он не переменялся за это время? Все так же пьет? Тогда, конечно, денег нужно много... Но когда ему пить? Разыгрывает? Ну, что ж, он герой жатвы — ему можно... Какой же он все-таки, Егор Дубровин? Как же так случилось, что обогнал всех? Надо будет проверить утром, как он косит». Нет, мне не спалось. Я ворочался с боку на бок, курил, пытался считать до тысячи, сбивался на первой сотне и начинал считать сначала...

Заговорил Егор глубокой ночью:

— Не спите?

— Нет пока...

— И я что-то не могу уснуть... Давайте еще по одной закурим, а?— Он зажег спичку, затянулся и продолжал:— Я вечером зря перед вами дурака валял. Со злости... Приезжал ко мне один, пять минут покалякал, а потом статью на полгазеты закатил. И такой-то я у него получился, и сякой! Иконы с меня впору писать, орденом награждать. Лучше бы сквозь землю провалиться, чем такое о себе читать. А что он обо мне знает? Да ни черта! Вот, чтобы опять уши не жгло,

я вас и решил огорошить.—Егор говорил отрывисто, зло, но были в его голосе какие-то новые нотки. Он как будто разговаривал сам с собой. Помолчали.

— Вы знаете, я ведь пить бросил.

— Совсем?

— Совсем. Вот,— Егор пошарил в углу палатки, вытащил откуда-то четвертинку водки и побулькал ею у меня под ухом,—из дому еще захватил. Специально для искушения. И ничего. Лежит!

— А уборка закончится, тогда как?— Я все еще злился на Егора, но он не заметил иронии в моем голосе.

— И тогда не буду! Слово себе дал. Не нарушу!— Егор снова умолк ненадолго, потом спросил:— Если хотите, расскажу, как все получилось?

— Дать еще папироску?—вместо ответа предложил я.

— Давайте... На меня, знаете, всякие там уговоры и агитация не действуют. Я хотя и семь классов только закончил, но за всем тем, что в мире происходит, слежу, газеты читаю и радио зимой слушаю. Ну вот, и не люблю, когда меня пытаются мордочкой в блюдечко с молоком тыкать. Тут я сразу шерсть дыбом, хвост трубой, а когти наружу. Красивыми сло-

вами не проймешь! Мне дело давай. А красивые слова, что? Мираж! Я любого агитатора, если у него за душой ничего нет, или с толку собью, или из себя выведу. Ведь у нас как часто бывает? Приготовит лектор или агитатор одну темку и бежит скорее свои знания перед народом выложить. Говорит — вроде и послушать есть что, а чуть со стороны к нему зайдешь, вопросик из другой оперы подкинешь, он и понес окоlesiцу. Ну, а я, бывало, так вопросы расставляю, что у человека губы дрожать начинают — каждому неприятно, когда его в лужу определенным местом посадят...

Боялись связываться со мной и до того дело дошло, что один лектор из района заявил однажды: «Буду читать у вас лекцию, но чтобы Дубровина на ней не было. Иначе не поеду». Гнал бы я таких лекторов до самой Москвы пешком... Вот так со мной и маялись. Терпели однако. А почему? Без хвастовства скажу — работать люблю. Горячий я на работе. И не из-за денег, а просто так, из-за азарту. Как сяду на комбайн или на трактор, так тут уж мне не мешай — отойди подальше. Давайте-ка откинем полог, а то что-то душно стало.—Егор

откинул полог палатки, вздохнул:— Эх, звезд-то сколько!

— Ну и вот, история эта случилась примерно на шестой или седьмой день уборки, когда я после именин дружка своего еще не разошелся как следует. Предупредили нас в тот день, что к вечеру парторг приедет, переходящий вымпел вручать. «Приедет, так приедет, повернется, как говорят, и уедет. Мне-то какое дело? Я за вымпелами не гоняюсь», — так я, помнится, подумал, а вышло все наоборот...

Часиков в восемь смотрим и правда грузовая машина по дороге пылит. Народ в ней какой-то. «Глядите,—говорю,— ребята, как парторг наш новый старается — все бюро с собой везет! Не иначе на испуг взять хочет?» Ребята, известное дело, хохотнули, а я к Климову обращаюсь — у него по всем статьям первое место должно быть: «Готовь, Никола, речь ответную, прочувственную. Таковую, чтобы меня слеза прошибла. Скажи им, что ты и впредь будешь с честью и доблестью рожь убирать, обязательство новое прими». Только сказал это — машина подъехала, а мы носами закрутили: в кузове-то не члены бюро, а ребяташки

оказались. Кто в белой рубашке при галстукке, а кто и просто в штанишках одних—спешили, видно, и не обмундировались как следует. Гляжу, и Васька мой прибыл.

— Помощничков нам привезли или экскурсантов в порядке трудового политехнического? — спрашиваю. А секретарь посмотрел на меня как-то боком, дескать: «Мели Емеля — твоя неделя!» — и говорит: «А вот сейчас увидишь».

На тебе, и разговаривать не хочет. Я руку к кепчонке, вроде салют отдаю. «Всегда готов!» — говорю.

А Васька мой, шельмец, встал во фронт, руку левую от себя вытянул и командует:

— Слева по два становись!

Выстроились ребята против нас. Носами шмыгают, головенками туда-сюда крутят, от комаров голыми пятками отбиваются. Не строй — умора! Посмотрел я на них и не удержался, чтобы секретаря опять не подковырнуть. «Не по совместительству ли, — спрашиваю, — вы в школу физруком устроились?» А он уже в позу встал, чтоб речь держать, и на меня никакого внимания. Ну, думаю, заведет сейчас часа на полтора, и снова

не угадал. Никакой речи секретарь не держал, поблагодарил только за хорошую работу и рассказал, как между нами места распределились. Первое, как я и ожидал, Климову вырешили, второе — Сметанину досталось, третье — Переладову. А я, значит, в обозе оказался.

Похлопали мы такому радостному общению. Ребята три раза «ура» пропищали, потом смотрим, что такое? Выходит из строя Наташка Климова, за ней ее меньшенькие сестренки, Катька с Нинкой, подбегают к Николе и вручают ему, по поручению парткома, значит, красный выпел. Затем руки лопаточкой — поздравляют. Никола наш тут, конечно, расписался, носом зашмыгал и глаза свои в ребячьих лицах замаскировать поспешил. А они целуют его, лепечут что-то на ухо и такая радость в глазенках ихних, что тут не только у Николы, и у меня в носу что-то засвербило...

К Сметанину и Переладову их ребяташки подбежали, и вся эта душещипательная процедура снова на моих глазах повторилась. Строй, само собой, нарушился. Окружили ребята героев, скачут вокруг них, кричат кто во что горазд. Мой Васька тоже подошел, руки всем по-

жал, а на меня и не смотрит. Будто нет меня здесь или совсем посторонний я для него.

Не по себе мне стало. И не потому совсем, что вымпел не мне достался, — Ваську жалко. Стоит он, как и я, в сторонке, с ноги на ногу переминается, руками галстук крутит, улыбается. А улыбка у него такая, что, чувствую, вот-вот разревется парень. Получилось так: мы двое с ним среди людей как бы лишними оказались. Подошел к Ваське, руку на голову положил, а он шасть от меня и тягу... Не ожидал я этого. Бросился за ним, кричу: Вася! Василек! Куда ты?.. Не догнал... И тут понял, что Васька мой, которого я и ремнем драл не однажды и который, знаю, любит меня больше всех на свете, во всем мне подражает, несмысленный еще, чем-то выше меня поднялся, уже осуждать и стыдиться меня может...

И еще таким образом я свое положение понял, что секретарь наш так ко мне подошел — мне и крыть нечем. Такая злость взяла, что кулачищи свои на всякий случай за спину спрятал, а себе думаю: сегодня твоя взяла, а завтра ты мне этот самый вымпел сам принесешь.

Посмотрел я еще разок в сторону, куда Васька убежал, и план действий себе наметил — зорьку утреннюю в поле решил встретить. Но только такой для меня тогда день невезучий выдался, что и эта прикидка мимо проскочила. Парторг нас в машину приглашает, а мы друг на друга поглядываем и никто первого шага сделать не решается. Так все четверо и остались.

Залез я опять на комбайн, а передо мной лицо Васькино маячит. Рванул машину вперед — не проходит. Все о нем думаю. Как он там? Забился, поди, в кусты и ревет, что у него отец такой непутевый. Эх, вспоминать о той ночи, так и то страшно!

Домой мы попали на второй день, к вечеру, и что я за это время передумал, пока Ваську своего живым и невредимым не увидел, — одному мне известно. В общем и целом, как говорят, душу свою за это время наизнанку вывернул... Давайте-ка выкурим еще по одной.

Светало. Егор лежал на спине, закинув руки за голову. Лицо его было задумчивым, строгим. Совсем не таким, как вчера. Он молчал и, кажется, не намерен был продолжать свой рассказ.

— Ну и что было дальше?— не утерпел я.

— Дальше,— отозвался он не сразу,— две пятидневки вымпел держал еще Климов, а потом я его измором взял. Привез вот эту палатку в поле и сказал себе, что не покажусь в деревне, пока вымпел у Климова не отобью. Так и работал—сунусь на часок-другой и снова за штурвал. Васька мне еду доставлял. Когда Климова обходить начал, тот тоже шалаш себе соорудил, и Сметанин с нами тягаться начал. Хорошо мы поработали нынче! Классно, можно сказать... Да, так вот, если бы вы видели моего Ваську, когда он мне вымпел вручал, то поняли бы, почему я с собой четвертинку петропнотой вожу. Чуть не задушил меня парень! И так, знаете, получилось, что этот вымпел я больше никому отдать не смог... Вот и все. Вы спите давайте, а я пойду комбайн готовить, — неожиданно закончил Егор и вышел из палатки.

Заснуть мне не удалось и на этот раз: слишком неожиданным было все, о чем рассказал Дубровин. Я поднялся и вышел вслед за ним. Уже совсем рассвело. Сквозь белые стволы березовой рощи прямо в глаза било огромное красное

солнце. Егор копался у комбайна. Его лицо, освещенное багряными лучами восходящего солнышка, казалось одного цвета с комбайном. Видимо, почувствовав мой взгляд, он поднял голову и улыбнулся. И мне показалось, будто он жалел о том, что был откровенным.

Может быть, мне так только показалось.

ЧЕЛОВЕК СЕБЯ ИЩЕТ

На море штиль. Голубое, лишь кое-где украшенное белыми облачками небо без усталости смотрится в раскинувшуюся под ним гладь воды, и от этого мутноватая Обская губа непривычно посветлела, притихла, кажется ласковой. Чуть слышно журчит вода за бортом, о чем-то спорят чайки. Редкая в этих местах, недолгая тишина. Подчиняясь ей, даже двигатель работает как-то приглушенно, робко. Его почти не слышно. А может быть, так только кажется. Тимофей давно привык к его мерному стуку.

Он стоит, привалившись к борту, и уныло смотрит на берег. Судно проходит мимо мыса, который называется Трехбугорным. Почему так называли этот уг-

рюмый, без единого деревца кусок земли? На берегу по крайней мере сотня бугров. Мягкими, волнистыми линиями они переходят один в другой и только те из них, что подступили к самому берегу, оцетинились неровными срезами обрывов — вода исковеркала их, изрезала, размывала.

От нечего делать Тимофей пробует считать бугры, но вскоре сбивается и бросает это бесполезное занятие. Его маленькие, спрятанные под густыми черными бровями глаза смотрят на берег равнодушно, без малейшей заинтересованности. Но вот в них мелькает какая-то искорка, они чуть теплеют, — очертания бугров напоминают Тимофею местность вокруг Лазаревки. Но там холмы покрыты садами, виноградниками. Сейчас там тепло, знойно, уже осыпаются яблоки, а здесь... Тимофей зябко поводит плечами и тянется в карман за папироской. Продержаться бы до осени, там домой, на юг!

...На борт траулера «Бравый» Тимофей попал случайно. Весной в Лазаревке встретил шахтера из Воркуты Ивана Погребняка. Они разговорились. И шахтерская жизнь, а главное, заработки прочно

засели в голове Тимофея. Чем больше он о них думал, тем сильнее росло желание — бросить все и махнуть в Воркуту, на шахту. Подкалымить там три года и тогда... Тогда у него будет все, что он захочет, ему будут завидовать соседи, все, кто его знает.

О! Он докажет им, что он, Тимофей Коробушкин, кое-что стоит. И острословка-просмешница Оксана тогда не устоит перед ним. Когда в его кармане будет за десять тысяч и они будут заработаны не в какой-то «дикой бригаде», а на шахте, ей придется попридержать свой язык.

Они построят большой, со стеклянной верандой дом, а по воскресеньям на собственном «Москвиче» будут ездить на базар и каждый раз, возвращаясь домой, он будет ощущать на груди новую пухлую пачку денег — кто не захочет купить фрукты у такой молодой и красивой торговки, как Оксана!

Шестьсот рублей в месяц! Для начала пусть пятьсот. Сто уйдет на питание. Если не покупать одежду — на черта она ему в шахте, — не ездить в отпуск — что зря транжирить деньги, — то каждый месяц он сможет откладывать на сберкнижку рублей четыреста. Через год у него бу-

дет четыре тысячи восемьсот, а через три — почти пятнадцать тысяч! От этих мыслей кружилась голова, а сон бежал прочь. Он накопит деньги и тогда...

Иван Погребняк, адресом которого предусмотрительно запасся Тимофей, встретил его хорошо. Вскочил, бросился навстречу, закричал:

— Ребята! Вы что-нибудь видите? Ничего вы не видите! Шахтерское пополнение прибыло! Знакомьтесь—мой земляк, Тимофей Коробушкин!— Он познакомил Тимофея с товарищами и остановился перед ним, всей своей могучей фигурой выражая восторг и изумление. — Приехал? Ну, молодец! Люблю таких: сказал — сделал и никаких страшных сказок о севере не испугался. Да садись ты, рассказывай, как она там, Лазаревка? Дышит?

Ох, и дотошным же оказался этот Иван. Часа полтора расспрашивал о родных, знакомых, а Тимофею не терпелось узнать, сколько в месяц откладывает Иван на книжку и на что тратит деньги. Наверное, тоже строиться хочет? Вот бы хорошо вместе... Но когда он спросил об этом у Ивана, тот рассмеялся:

— На дом, говоришь? А на что он

мне? Я в общежитии люблю жить. Здесь смотри-ка: тепло, светло, а самое главное — весело.

— Но ты столько получаешь, неужели все про... проживаешь?

Иван прищурился:

— Хочешь узнать, как я деньги расходую? Сестры у меня учатся, матери помогаю, ну, и себе остается. Нынче вот после Лазаревки в Ленинград ездил. В прошлом году по Кавказу бродил. Лето придет — на Дальний Восток поеду. В общем, не хватает денег, никак не хватает. Да будет о них. Пойдем-ка, дружище, в ресторан, чует мое сердце — тебе обедать пора.

Иван оказался щедрым:

— Не беспокойся, — тронул он за рукав Тимофея, уныло разглядывающего длинные колонки цифр, — платить буду я. Зиночка, разверни-ка нам скатерть-самобранку, да не забудь... — он что-то шепнул официантке, и она понимающе улыбнулась.

Уютный ресторан, чистые скатерти, появившиеся на столе коньяк и шампанское, предупредительный Иван, то и дело наполнявший рюмку Тимофея, — все располагало к откровенности, и, неужи-

данно для себя, скрытный, молчаливый Тимофей рассказал Ивану о своих планах — о доме, машине, умолчал только об Оксане.

Погребняк слушал внимательно, не перебивал, иногда даже согласно кивал головой, и Тимофей не заметил, как он вдруг поскучнел, стал рассеянно поглядывать по сторонам.

Когда Тимофей умолк, Иван положил свою тяжелую руку на его голову, повернул к себе:

— Так вот ты какой?! А я думал...— Что думал Погребняк, Тимофей так и не узнал — не разобрал даже досада или удовлетворение прозвучали в голосе шахтера.— А я так не могу! Мне та жизнь, что ты наметил, поперек горла бы встала.— И вдруг оборвал разговор. — Ты завтра в отдел кадров не ходи. Я тебе для начала шахту покажу. Посмотри, может, и не по душе придется.

Иван оказался прав. Шахта, чумазы, задиристые шахтеры не понравились Тимофею, а когда он поднялся наверх и выплюнул сгусток черной угольной пыли, совсем приуныл. Пятнадцать тысяч, дом, машина показались ему совсем не такими близкими, как прежде.

— Я так и думал, что тебе у нас не подойдет. Кость тонка. И дух не тот, — равнодушно отозвался Иван. — Подавайся лучше на рыбные промыслы — работа здоровая, а на дом и там накопишь. Ну, бывай. Мне на смену пора собираться.

Вот так и оказался Тимофей в северных широтах на старом рыбацком суденышке. Работа и правда была здоровой, и заработок приличный. Если бы только ребята были другие. Что-то не ладится у Тимофея с ними. Одинок, неуютно ему на судне. Так одиноко, что хоть волком вой.

Ребята тоже не прочь заработать побольше, но ни разу не говорили они о деньгах так, как может говорить он, Тимофей. У них на первом месте план. Соревнование. В июне, когда в два раза перекрыли свой план, едва не прыгали от радости. В июле целую неделю ходили злые, как черти — недотянули немного.

Чудные ребята! Едва сменятся с вахты — сразу за книги. Читают все, что попадет под руку. А потом спорят, спать не дают... А о чем спорят? Брехня одна в этих книгах. Вот он, после того, как бросил школу, прочитал только «Робинзон Крузо» да «Озорные рассказы»

Бальзака. И ничего. Живет не хуже других.

Как-то, когда они особенно раскричались и разбудили Тимофея, он не выдержал:

— Послушайте, умники! О чем спорите? Зачем глотку дерете? Этот, как его, писатель, навывдумывал вам семь верст до небес, а вы за грудки готовы друга друга схватить.

Эти слова, брошенные со злостью разбуженного человека, показались Тимофею красивыми и умными, и он, уже отвернувшись к стенке, добавил, чтобы окончательно сразить ребят:

— Да мне бы деньги платили, я и тогда бы не стал читать ваши книги!

Ребята затихли. Никто с ним не спорил, и Тимофею на какой-то миг показалось, что они согласились. Но он уже хорошо знал ребят и понимал, что они замолчали совсем по другой причине. Он не мог больше заснуть в ту ночь: почему-то беспокойно ныло сердце, чувство собственной неправоты не давало покоя. И сейчас что-то гложет и точит его. Что же? Что?

Судно давно миновало мыс, шло оно так далеко от берега, что, только при-

смотрясь, можно с трудом разглядеть узкую бледно-зеленую полосу земли на горизонте. Напрягая зрение, Тимофей старается не упустить эту полосу, но она неожиданно белеет, разворачивается, превращаясь в измятую, захваченную грязными руками газету. Ее громко читает сменщик Тимофея матрос Генка Чикишев...

Тимофей досадливо морщится. Ему совсем не хочется вспоминать про этот случай, но картина другой ссоры с ребятами встает перед ним. Генка читал в тот день статью о том, как машинист спас поезд. Давно замолчал Генка, а ребята все еще сидели тихо, словно замороженные услыванным. И черт его дернул тогда за язык—высказался:

— Дурак он! Я бы спрыгнул и все тут.—Тимофей хотел сказать еще что-то, но будто пружины подняли на ноги Генку:

— Спрыгнул, говоришь? А как бы он спрыгнул, если сотни людей могли погибнуть? Вот ты стреканул бы! Точно! На тебя надеяться нельзя — подведешь в случае чего. Как пить дать, подведешь!

Руки Генки были засунуты в карманы, но Тимофею казалось, что он хлещет его

по лицу — с такой нескрываемой злобой смотрел на него Генка. И Тимофей смолчал. Да и что он мог ответить? Не нашлось тогда таких слов у Тимофея. И сейчас нет.

Какой-то разгильдяй не завернул как следует винт, и вот горячая струя воды, обжигающий тело пар разделили будку паровоза на две части. Обожженный машинист нашел в себе силы, чтобы добраться до нужных приборов, и спас поезд, себя, помощника машиниста. Но он мог и свалиться с паровоза, его могло просто сдуть ветром, и тогда крушение все равно бы произошло. Машинисту помог случай... А может быть, дело и не в случае? Помощнику машиниста было совсем легко предотвратить аварию, однако он струсил, растерялся и если бы не машинист, погиб вместе со всеми. Так почему же в одинаковом положении эти люди вели себя так по-разному.

Сколько раз задавал себе Тимофей этот вопрос и не находил на него ответа. Сколько раз ставил себя на место машиниста, но никогда, даже мысленно, не мог заставить себя следовать ему до конца. Как только воображение рисовало Тимофею обжигающие тело клубы

пара, он не мог думать ни о ком другом, кроме себя, и «прыгал» с паровоза.

А как бы поступили ребята? Ну хотя бы тот же Генка? Ему чаще других достается от капитана, и, несмотря на это, он чувствует себя на судне, как рыба в воде. Вечно лезет куда не надо и попадает в корабельную историю, которую с начала промысла ведет радист. Смешной Генка! Вчера, когда траловый трос зацепился на корме и оттянуть его не удавалось, он, недолго думая, вскочил на борт и стал орудовать ломом. Трос соскочил, ударил Генку по ногам и выбросил за борт. Его вытащили бледного, перепуганного. Интересно, как бы поступил Генка, если бы оказался на том паровозе и только от него зависела жизнь сотен людей? Пожалуй, он сделал бы то же, что и машинист. Есть в нем что-то такое... Во всяком случае, когда он читал статью, все время был рядом с машинистом, а Тимофей искал в это время какой-то третий выход. Ему хотелось, чтобы машинист и поезд спас и не обгорел при этом.

Какой длинный, тоскливый день! И как трудно жить, когда не с кем поделиться своими сомнениями! Раньше Ти-

мофею как-то не приходилось копаться в своей душе, определять свое отношение к жизни, к событиям, фактам. Он не позволял рассматривать себя как бы со стороны, глазами другого человека. Все было легко и просто, пока он жил по формуле: «Были бы гроши да харчи хороши». Давно возвел Тимофей эту, понравившуюся ему поговорку в формулу своей жизни. Она была удобной и, кажется, верной. Придерживаясь ее, легко было найти оправдание всему и от всего отказаться. Можно было смотреть на все с этакой легкой усмешкой: «Меня не проведешь — я знаю, на чем земля держится».

Все было хорошо и просто, когда он халтурил в «дикой бригаде», пока не встретился Погребняк и эти ребята! И все пошло кувырком. Будто что-то сломалось, лопнуло. Но что? И почему? Почему здесь, на судне, даже мечты о собственном доме потускнели и кажутся пустой детской забавой?

Тимофей достал папиросу, размял, но так и не прикурил — начавшийся разговор, даже не разговор, а какой-то бой с самим собой захватил его, и он продолжал сравнивать, сопоставлять. Так кто

же сбил его с одного пути и не направил на другой? Иван Погребняк? Генка? Тралмейстер Анатолий Курочкин?

В июле, поскользнувшись на палубе, Анатолий схватился рукой за трос, и ее моментально затянуло в блок. Все выжал тогда механик из машины, спеша скорее доставить Анатолия в больницу. Ему предлагали остаться на лечение, он отказался — не захотел отставать от ребят. Дали освобождение от работы, но уже через три дня Анатолий наравне со всеми стал нести вахту, хотя то и дело морщился от боли и мог работать только одной рукой. Почему он так поступил? Не хотел терять зарплату? Нет! Нет! Тимофея даже передернуло от этой мысли, как будто она пришла в голову не ему, а кому-то другому. Дело не в этом. Тогда в чем же?

Мысли то тяжело, словно громоздкие камни, ворочались в голове, то неслись вскачь, обгоняя друг друга, мешая сосредоточиться на самом главном. Да и что было для него самым главным? Он совсем запутался и никак не мог вспомнить, из-за чего начался такой мучительный спор с самим собой, что он хотел выяснить в этом споре?

Давно отстали от траулера чайки, чуть начавшийся ветерок окреп и лихо посвистывал в вантах мачты. Тимофей продрог, его и без того сероватое лицо приняло синевато-землистый цвет, но он не шел в кубрик.

Так что же случилось? Почему его не любят ребята? Вначале приняли хорошо, старались помочь, быстрее освоить новое для него рыбацкое дело, а потом будто рукой махнули. Когда это произошло? Почему? В первый день, когда радист Ломов попросил его принести с кормы ведро с гудроном, а он пошел его искать на нос? Позднее, когда полчасика разыскивал на палубе «геркулес», а он оказался просто толстым канатом? Или в тот день, когда его «купил» Генка, заставив точить лапы якоря? Каждый раз, когда Тимофей попадал в такой просак, ребята от смеха животы надрывали. Но смеялись они беззлобно, дружелюбно. И если бы подобные истории случились не с ним, а с кем-нибудь другим, они смеялись бы точно так же. И совсем не из-за этого презирают его ребята, а вот за что: за то, что он никому не даст взаимы даже рубля, запирает свой чемодан на замок, за то, что в июне, во время

шторма, только у него оказались в запасе папиросы, и он курил их тайком от всех, за то, что...

Ребята объявили ему что-то вроде бойкота. Но разве не понимают они, что нельзя быть человеку одному среди людей? Невозможно! Человек не может быть один! Не может! — Какие-то новые, очень важные мысли подхватили Тимофея, он начинал догадываться, почему стал на судне белой вороной и что ему надо делать, чтобы перестать быть ею... Но тут его внимание отвлек радист, пробежавший мимо в кубрик. Видно что-то случилось — таким озабоченным показалось Тимофею лицо радиста.

Так что же ему надо делать? Как вести себя? Все перепуталось в голове Тимофея, смешалось, и не было сил распутать этот клубок.

Ветер крепчал, пришлось спуститься вниз за плащом. В кубрике сидели почти все ребята. Они были какие-то притихшие, угрюмые. На столе лежала пачка денег. Радист отбирал из нее одинаковые купюры, складывал их в кучки и считал деньги.

— Сколько? — нетерпеливо спросил капитан.

-- Восемьсот семьдесят. Еще бы сто тридцать и ровный счет.

— Да что вы, и так хватит! Спасибо вам! — почему-то шелчет красный, как рак, Генка. Он достает из кармана платок и громко сморкается.

— Тысячу набрать надо, и мы наберем, — уверенно говорит капитан. — Придем в поселок — займы возьмем. Посто́й-ка, да у нас и на судне резерв есть. А ну-ка, слетай в рубку, растрясси помощника с механиком, — посылает он радиста.

Все нетерпеливо ждут его возвращения, молчат. Стучат сапоги по лестнице, вниз скатывается радист.

-- Вот, механик пятьдесят дал, а помощник велел в костюме пошарить. Сказал — сколько есть, все берите.

Он торопливо ищет деньги в карманах выходного костюма помощника капитана, и лицо его светлеет:

— Ого! Да тут больше ста будет! Лишнее набрали, капитан!

— В таком деле лишних не бывает!

Мурашки пробегают по спине Тимофея. Предчувствие, что сейчас произойдет что-то страшное, непоправимое, охватывает его. Ребята собирают на что-то

деньги, а его даже не замечают. Не хотят замечать! Как будто его здесь нет. Как же это... К нему нагибается Катя. Шепчет:

— Несчастье-то какое! У Генкиной матери дом сгорел. Все, как есть! До тла! Радиограмму получили...

Злость, обида овладевают Тимофеем. Его уже совсем за человека не считают... А что, если взять и отдать Генке все, что у него есть? Все до копейки! Подняться, неторопливо достать из чемодана деньги, протянуть капитану: берите — мой пай! Вот удивятся ребята! А капитан обнимет его и скажет: «Извини, Коробушкин, что обидели тебя. Понимаешь... так получилось. Думали, ты пожалеешь... А ты вон какой — все понял, сумел самое страшное в себе переломить». И тогда Тимофей крепко пожмет руку капитану и обратится к ребятам с речью: «Да я что? Я ничего... Я только как все хочу жить... По совести! Вот и книжки начал читать. И вообще я за вас не только денег, но и жизни не пожалею...» Он расскажет ребятам все, все о себе, о том, как мучился и что понял, живя с ними. Расскажет им так, чтобы они поняли его и простили, чтобы он вместе с ними мог

хохотать, петь, шутить, чтобы никогда больше.

А что, если не возьмут?! Откажутся? Тогда надо будет уходить с судна... А если и возьмут, но не поверят, что отдает он деньги от души? Если подумают, что он хочет деньгами откупиться, задобрить? И не так ли все получается, Тимофей? Не сидит ли где-то далеко и у тебя внутри такая маленькая надежда, что деньги помогут тебе вернуть уважение ребят? Вначале ты хорошо затаил ее. Так хорошо, что даже сам не заметил. А сейчас что ты скажешь? Молчишь! Ну что же ты медлишь? У тебя нет сил ответить даже себе, так что же ты скажешь всем им? А раз так, не подличай еще раз. Постарайся быть человеком!

Сапоги Тимофея гулко простучали по лестнице, метнулись по палубе.

— Что это с ним?— недоуменно спросил Генка.

— Все в порядке! Человек себя ищет! А это уже хорошо! — весело ответил капитан.

3р

НОВАЯ ЦЕНА

3 руб — коп

Цена 3 коп.

